Одноглазка, двуглазка и треглазка

В одной деревне жил-был мужик да баба, у них была дочка. Ну, баба и у́мерла. Мужик женился, ну, и дочку также принесла одноглазку: одноглазу дочку принесла и потом другую — двуглазку, ну, потом и третью — треглазку. Ну, и живут-поживают. Прежней-то жонки́ мачеха не любила. Ну, и ходили коров пасти оны. На перьвой день с одноглазкой. Мать отправит их пасти коров, родной-то дочке напекёт пшонных колубков, а этой, падчерице-то неродной, напекёт глиняных колубков. Ну, уж глиняные колубки, какая ту́дака... уж не йись. У ней была коровушка посажна (*у матери приданое*), ну, она кормилась у посажной коровушки: она в ухо зайдёт, в другое выйдет и сыта и пьяна сделается. Ну, и на второй день также пошла коровушок доить, опеть то же само. Ну[1], она там, пришли коровушок пасти, ну, эта старша, неродна сестра, ей:

— Сестрица, дай я на головушке поищу.

Она и начала искать. За́спала там, заснула просто. Она в ухо зашла, в другое вышла, сделалась сыта и пьяна. Так же на третей день отправляется также коров пасти с треглазкой сестрой.

— Сестрица, дай я в головушке поищу.

И искала на головушке; искала, искала — глаз запрись, другой запрись, третей запрись. Она и заснула. Она в ухо зашла (*коровье*). Она и увидела и зарычала.

— Молчи, ведьма, ку́рва, скажу матери.

И пришла домой, отцу-матери насказала там, мать разрычалась там, заругалась, надо корова убить.

— Старик, надо корова убить, она, ведьма, сушит корову, сушит.

Ну, и отец там тоцит ножик. И тоцит ножик, а она, эта дочка, вышла к коровушке своей, плачет, и коровушка ей отвечает — ишь, уж заговорила:

— Станут убивать меня, так подавайся посмотреть. И ты как подаваешься посмотреть, придёшь — так на правой рукавец брызнет крови маленько. Ты возьми, отруби и посади под окошко, в землю закопай.

Там отец и пошел убивать коровушки, и просится посмотреть, что «спустите, пожалуйста, посмотреть, спуститя посмотреть». Вышла посмотреть, ей брызнуло на правой рукавец. И посадила, закопала там в землю под окно, и стал ростеть сад. Растёт сад, там уж, что ей нужно, — все есь в саду том. Там какой-то член невесту выбирает, и запоежжали на пир. Старуха-то и говорит:

— Старик, старик, возымай конишка, запрягай в дровнишка, сорока щекочет, нас на пир зовет.

Старик конишка возымае, дровнишка запрягает, поежжает.

— А ты вот, — дочéри наказывает неродной-то, наказывает, — ты вот возьми, чтобы была печь в другом углу перенесена.

Оны уехали. Она сичас в сад скочила, пруток отломила, пришла, похлыстала, похлыстала, печь в другой угол перешла. Взяла, в сад скочила снова и платье сменила и такая сделалась красива, что просто... Вышла в чисто поле, крыкнула по-звериному, свистнула по-змеиному — конь бежит, земля дрожит, с ноздрей искры лéтя, с ушей чад ставае, со рта пламя маше, с жопы головешки летя.

— Карьке, бурьке, вещей соловке, стань передо мной, как лист перед травой.

Конь стоит как скопанный. Села на коня и поехала. Приезжает, с коня скочила, коня привязала к точёному столбу, золочёному кольцю. Пришла в фатеру. Богу помолилась, на вси стороны поклонилась, выше всих и села. Пир тут уж, собрание, людей много есть. А у этой у мачехи-то дочки повёрнуты собакамы. Оны по подлавичьям косья обирают. Она метила, метила, косточкой шибнула прямо в глаз этой девке-одноглазке. Она и заходила, старуха.

— Старик, старик, возымай конишка, запрягай дровнишка, нас обесчестили, у девки глаз выбили.

Старик возымае дровнишка, запрягае конишка, уехали. Сичас пир расходится. Эта красавица выходит, Богу помолилась, на все стороны поклонилась, вышла, на коня села и поехала. Видли ся́дучи, а не видли поедучи.

Приехала домой, опере́дила их матерь да отца с дочерямы, объехала кругом. Приехала, коня спустила, в сад сходила, разнаделась в стару одёжу. Пришла на печку и села. Приехали отец, мать с дочерями, расхвастались:

— Как сегодни-то девица была, просто такая, что...

Она и отвечае с печки:

— Не я ль хоть и была?

— Гди тебе, худому черту, быть этакой!

На другой день опеть:

— Старик, старик, возымай конишка, запрягай дровнишка, сорока щёкоче, нас на пир зовё.

Старик дровнишка возымае, конишка запрягае, поежжають, а этой дочки-то наказывають:

— Смотри, сегодни пол чтобы такой белый был, как кость сьяет.

Ну, и съехали. Она осталась тут. Сичас в сад скочила, выломила пруток, пришла в фатеру, похлыстала, похлыстала; пол такой белый стал, что просто... Она опеть в сад сходила, со всим переправилась и лучше того, что вчерась была, красавица. Вышла в чисто полё, крыкнула по-звериному, хлыстнула по-змеиному. Конь бежит, земля дрожит, с ушей чад ставае, со́ рта пламя маша, с ноздрей искры ле́тя.

— Карьке, бурьке, вещей соловке, стань передо мной, как лист перед травой.

Конь стал как скопанный. Села на коня и поехала. Приехала, привязала коня к точёному столбу, золочёному кольцю. Пришла в фатеру, Богу помолилась, на вси стороны поклонилась, выше всих и села. Пировали да были, а эты дочери-то спущены косьёв обирать по подлавичьям. Она метила, метила — косточкой ши́бнула, у девки глаз выбила. Ну, и старуха заходила:

— Старик, старик, возымай конишка, запрягай дровнишка, нас обесчестили, девке глаз выбили.

Старик возымае конишка, запрягае в дровнишка, поехали. Пир на отходи, разъежжаются. Опеть эта девица Богу помолилась, на вси стороны поклонилась, села на коня и поехала. Видли сядучи, не видли поедучи.

Приехала, коня спустила в чисто полё, в сад скочила, там перенаделась в старую одёжу просто, пришла, на печку и села. Потом приехал отец и мать с дочерямы и говорят:

— Сегодня одна девица была, так лучша того, что вчерась, аще лучше.

— Не я ль хоть и была?

— Где тебе, худому черту, быть.

Ну, ладно. Так и на третий день поежжает опеть.

— Старик, старик, возымай конишка, запрягай дровнишка, сорока щёкоче, нас на пир зовет.

Тут старик дровнишка возымае, конишка запрягает, поежжают, а этой дочке наказывают: взяли жито вместо и рожь, с рожью смешали и овёс:

— Разбери, чтобы все было разобрано по розным местам.

Она сичас сходила в садок, выломила пруток. Пришла, похлыстала, похлыстала, все разошлось по разным местам: рожь, и овёс, и жито — всё разошлось. Сходила, скочила в садок, переправилась по-хорошему, аще лучша. Пришла в чисто поле, крыкнула по-звериному, свистнула по-змеиному — конь бежит, земля дрожит, с ноздрей искры летя, с ушей чад ставае, со рта пламя маше, с жопы головешки летя.

— Карьке-бурьке, стань передо мной, как лист перед травой.

Конь стоит, как скопанный, села на коня и поехала. Приехала, коня привязала к точёному столбу, золочёному кольцю. Пришла в фатеру, Богу помолилась, на вси стороны поклонилась, села выше всих за стол. Оны и пируют там. Та метила, метила, косточкой ши́бнула, у девки глаз выбила.

Старуха опеть там заходила:

— Старик, старик, возымай конишка, запрягай дровнишка, нас обесчестили, у девки глаз выбили.

Старик поежжает, запрягает — уехали. А эта невеста-красавица жениху понравилась. Поежжат, садитса на коня, скочила на столо́б, села и поехала, башмак тут и остался, на столби́. Уехала. Сичас приехала, коня спустила, в сад сходила, разнаделась по старому, пришла и села на печку.

Отец, мать с дочерямы и говорят:

— Сегодни-то девица была, так аще лучше.

Она и говорит:

— Не я ли хоть и была?

— Гди тебе, худому черту, быть?

Через мало время разыскива там невест по башмаку, этот башмак ме́ря. Вишь, она не в хорошой одёжи, так никому не ладится башмак, потом и стал спрашивать:

— Нет ли у кого самой нехорошей девицы — на печи сидит или где-нибудь, сюды достаньтя, отыщитя.

Все отвечают:

— Нету.

Потом проговорились, что «у нас есть такая-то». Ну, и за ню принялись, приехали за ей даже, взять нужно; взяли, повезли. И сад след пошел. Сичас эта мачеха ю переменит, посадила свою дочку, а эту выняла вон с са́ней, выдернула, свою дочку посадила в сани. Поехали, сад не пошел. Осмотрели, что сад не пошел, ажно невеста не та́я. Потом взяли, выняли эту с саней, котору следует, ту́ю взяли, а другую по́д мост спустили. И уехали, увезли. Стали жить да быть. Беремянна сделалась, сына принесла. Мачеха эта на роди́ны пришла, посмотреть дочки. Она полагает, что своя родная дочка, так пришла ей посмотреть. Ну, и там ходили в байну мыться. Она внука мыла, бабка-то, мачеха ёйна. Ту́дака всё, кажется, больша и не знаю.

(Зап. в 1903 г. от молодой женщины в Великой Губе Петрозаводского уезда Олонецкой губ.)

1 В дальнейшем в тексте индивидуально-сказительская частица «Ну» опускается.

Заветные сказки из собрания Н. Е. Ончукова. М.: Ладомир, 1996.